

Госпожа Чжун вернулась в свою комнату, поспешно набросала несколько слов на кусочке бумаги, ловко завязала пояс на талии и повесила на него меч. Вернувшись в зал, она сказала: «Поехали!» — и вышла из дома.

Дуань Юй небрежно схватил туфли со стола и засунул их в рубашку. Госпожа Чжун молча покачала головой, будто хотела что-то возразить, но, в конце концов, передумала.

Едва только они прошли сквозь дыру в дереве, госпожа Чжун прибавила скорости. Несмотря на свой хрупкий стан, она шла намного быстрее, чем Дуань Юй.

Дуань Юй все еще колебался внутренне: «Госпожа, раз вы не знаете, как изготовить лекарство, я не думаю, что клан Шэньнун так легко отпустит вашу дорогую дочь».

Госпожа Чжун резко ответила: «А с чего ты взял, что мы будем их упрашивать? Клан Шэньнун осмелился схватить мою дочь и угрожать ей смертью, им, должно быть, жить надоело. Если я не знаю, как спасти кого-то из плена, это еще не значит, что я не знаю, как кого-то убить».

Дуань Юй вздрогнул, почувствовав в её голосе пренебрежение к человеческой жизни. На какой-то миг в глазах Дуань Юйя она стала подобна на кровожадного Третьего Юэ.

Госпожа Чжун нарушила тишину: «Сколько наложниц у вашего отца?» Дуань Юй ответил: «Ни одной, он их не держит. Моя мать не позволяет». Госпожа Чжун спросила: «Твой отец действительно настолько боится твоей матери?» — «Не то чтобы боится. Он любит и уважает её, как мастер Чжун любит и уважает вас». Госпожа Чжун ответила: «Хм, а твой отец все так же тренируется каждый день?» — «Папа тренируется ежедневно. Но я и понятия не имею, хорошо ли он владеет кунг-фу». Госпожа Чжун возразила: «Он всё так же силен, тогда... можно не волноваться. Почему ты не изучаешь кунг-фу?»

Разговаривая, они прошли с полкилометра. Дуань Юй как раз собирался ответить на её вопрос, когда услышал отдаленный мужской крик: «Дорогая! Куда... куда ты идешь?» Дуань Юй обернулся и увидел Чжун Ванчжоу, бегущего прямо к ним.

Госпожа Чжун схватила Дуань Юйя за руку и крикнула: «Бегом!» Она рванула вперед с ошеломляющей скоростью, потянув парня за собой. Так они пронеслись добрых пятьдесят метров. Хотя мастерством Цингун госпожа Чжун владела ничем не хуже своего мужа, она, как-никак, тащила за собой еще одного человека, и поэтому Чжун Ванчжоу постепенно догонял их. Еще через пару десятков метров Дуань Юй буквально чувствовал дыхание Чжун Ванчжоу на своем затылке. Ещё миг, и спину Дуань Юйя обдало холодным ветром — Чжун Ванчжоу разорвал на нем рубашку.

Госпожа Чжун сконцентрировала всю внутреннюю силу в левой руке и швырнула Дуань Юйя на десяток метров вперед, крикнув при этом: «Уходи отсюда!» Правой рукой она схватила меч и взмахнула им в сторону мужа. Она не собиралась причинять ему вреда, она просто хотела припугнуть его, охладить его пыл. Но, когда она взмахнула оружием, она почувствовала, как меч ее воткнулся во что-то мягкое.

Чжун Ванчжоу не уклонился от удара и не парировал, а вместо этого наклонился вперед и упал на меч.

Госпожа Чжун встала, как вкопанная, и обернулась. Из хищных глаз ее мужа потекли слезы. Из раны хлынула кровь, а сам он едва слышно сказал: «Моя ты ненаглядная, ты... всё-таки покидаешь меня?»

Хоть меч и не задел его сердце, он вошел в его грудь на несколько сантиметров. Опасаясь за жизнь мужа, госпожа Чжун вытащила меч и выпрыгнула вперед, сильно надавив на его рану. Но кровь била фонтаном, выстреливая сквозь узкие промежутки между ее маленькими пальцами.

Госпожа Чжун сердито сказала: «Я не хотела убивать тебя, почему ты не увернулся от удара!»

Чжун Ванчжоу выдавил кривую улыбку: «Ты... ты... решила покинуть меня, мне... остается лишь умереть». Затем он закашлялся. Госпожа Чжун ответила: «Кто сказал, что я ухожу от тебя? Я собиралась уйти лишь на пару дней, а потом вернуться. Я ушла спасти нашу дочь. Ты прочитал записку на столе?» Господин Чжун удивился: «Какую записку?» Госпожа Чжун усмехнулась: «Воистину, горе от ума!» — после его вкратце пересказала свой план по спасению дочери из лап клана Шэньнун.

Дуань Юй был до глубины души шокирован увиденным. Едва оправившись от ужаса, он сразу же оторвал кусок своей рубашки и попытался перевязать рану Чжун Ванчжоу, но покатился по земле от мощного удара ногой. Чжун Ванчжоу крикнул: «Урод! Я не хочу больше тебя видеть!» Он повернулся к госпоже Чжун: «Ты лжешь, я тебе не верю. Он явно пришел... пришел за тобой. Этот урод — его сын... он... тоже оскорбил меня...» Тут Чжун Ванчжоу снова закашлял, и кровь хлынула еще сильнее. Он указал пальцем на Дуань Юйя и крикнул: «Давай! Даже на пороге смерти я не боюсь твоего Пальца Шаоян! Давай!»

Свалившись на землю, Дуань Юй порезался щекой об острый камень, и когда он встал, половина его лица была залита кровью. Он ответил: «Я не владею Пальцем Шаоян. И даже если бы владел, я бы не использовал его на вас». Чжун Ванчжоу сердито ответил, сквозь кашель: «Урод, кем ты притворяешься? Иди... иди приведи сюда своего старика!» — легкие его едва не разорвались от приступа кашля.

Госпожа Чжун заговорила: «Ты всегда во всем меня подозреваешь. Если ты настолько мне не доверяешь, то лучше мне умереть прямо на твоих руках и дело с концом». Она подняла меч с земли и поднесла его к своему горлу.

Чжун Ванчжоу вырвал меч из ее рук и, расплывшись в улыбке, сказал счастливым тоном: «Ненаглядная моя, ты действительно не собиралась бежать с этим уродец?»

Госпожа Чжун сердито ответила: «Его зовут Дуань Юй, а не уродец. Мы собирались вдвоем спасти Чжун Лин, избавившись от клана Шэньнун». Услышав, что она не собиралась бросать его, Чжун Ванчжоу улыбнулся и нежно заговорил: «Если это так, то это всё — моя вина. Но...

но поскольку я уже проделал весь этот путь и догнал вас, почему ты просто не остановилась и не рассказала мне все?» Госпожа Чжун покраснела: «Я не хотела, чтобы ты видел господина Дуаня». Чжун Ванчжоу свел брови: «Этот уро-... Этот господин Дуань... он же не твой сын?»

Госпожа Чжун смутилась: «Ах! Что за чушь ты несешь? Сначала он мой любовник, теперь он мой сын. По правде говоря, он мой отец, твой тесть, то-есть». Сказав это, она невольно рассмеялась.

Чжун Ванчжоу на мгновение оторопел, но понял шутку и рассмеялся во весь голос, из-за чего кровь из раны потекла еще быстрее.

Слезы текли по лицу госпожи Чжун: «Что... что же мне делать?» Чжун Ванчжоу улыбнулся и обнял ее за талию: «Дорогая, ты так беспокоишься обо мне. Даже если я умру, я не буду чувствовать себя оскорбленным». Лицо госпожи Чжун загорелось от стыда, она слегка оттолкнула его: «Господин Дуань здесь, как ты смеешь так себя вести?» Чжун Ванчжоу от души рассмеялся и вновь закашлялся.

Увидев бледное и измученное лицо своего мужа, госпожа Чжун встревожилась: «Я не могу идти спасать Лин-эр. Она сама нарвалась на неприятности, ей нужно подумать над тем, что она натворила». Она помогла своему мужу встать, а затем повернулась к Дуань Юю: «Господин Дуань, ступайте, скажите Сы Кунсюаню: мой муж - нареченный «Князь Лошадей» Чжун Ванчжоу, который много лет назад покорила мир боевых искусств. Я — Гань Баобао, с довольно неприятным прозвищем: «Пленительная Якша». Если с головы нашей дочери упадет хоть волосок, напомните ему, какими жестокими и безжалостными мы можем быть». После каждого её слова Чжун Ванчжоу вставлял: «Да, верно!»

Чжун Ванчжоу не мог самостоятельно идти, а госпожа Чжун не могла оставить своего мужа. Сы Кунсюань вряд ли бы испугался одних только имен “Чжун Ванчжоу” и “Гань Баобао”, а значит Разрыватель Кишок так останется в его животе. Дуань Юй подумал: «Ну, что же, мне здесь больше делать нечего». После чего ответил: «Хорошо, я немедленно отправлюсь к нему и расскажу ему все».

Взглянув на то, как Дуань Юй легко? но учтиво встал, чтобы покинуть их, госпожа Чжун, будто вспомнив что-то, закричала: «Господин Дуань, я не договорила». Она осторожно положила мужа на землю и подбежала к Дуань Юю. Она вынула что-то из своей рубашки, сунула его в руку Дуань Юя и прошептала: «Отнеси это своему отцу и попроси его спасти нашу дочь».

Дуань Юй ответил: «Если мой отец согласится помочь, то, мы обязательно спасем Чжун Лин. Но путешествие в Дали займет не один день, я боюсь, что не успею». Тогда госпожа Чжун сказала: «Я дам вам лучшую лошадь, пожалуйста, подождите здесь. Не забудьте, слово в слово, сказать своему отцу: «Пожалуйста, спасите нашу дочь»». Не дожидаясь ответа Дуань Юя, она подбежала к мужу, помогла ему встать, и вдвоем они пошли обратно по той же тропе.

Дуань Юй поднял руку и увидел, что госпожа Чжун сунула в его ладонь небольшую, изящную, золотую коробочку. Открыв её, он увидел внутри листок бумаги. Бумага к тому времени уже

успела пожелтеть от давности, на ней было несколько капель давно запекшейся крови. Бумага гласила: «Девочка, родившаяся с часу до трёх ночи пятого дня по лунному календарю в феврале года белой обезьяны». Почерк был мягкий и слабый, написанный, судя по всему, рукой женщины, которая никогда не занималась каллиграфией. Больше в коробке ничего не было. Дуань Юй задумался: «Это свидетельство о рождении? Госпожа Чжун хочет, чтобы я отдал его моему отцу, зачем? Год белой обезьяны, белой обезьяны...» — он считал, загибая пальцы. «Ровно шестнадцать лет назад.... Может ли это быть Чжун Лин? Госпожа Чжун хочет выдать свою дочь замуж за меня, чтобы мой отец спас свою невестку?»

Размышления его прервал знакомый мужской голос, окликнувший Дуань Юйя по имени.

<http://tl.rulate.ru/book/36320/1519215>